

ВСТРЕЧА

В Англии пушкинский год отмечается вплоть до декабря, поэтому неудивительно, что с известным актером и режиссером наш лондонский корреспондент Ефим БАРБАН встретился в престижном концертном зале «Сейнт Джонс», где Сергей Юрский с небывалым успехом читал англичанам отрывки из «Евгения Онегина». Правда, беседа с актером началась отнюдь не с юбилейной, а скорее тревожной ноты, ею и закончилась.

— Что вас беспокоит в нынешней театральной ситуации в России?

— На последнем всероссийском фестивале «Золотая маска» среди предъявленных спектаклей не было ни одного, написанного на русском языке, все пьесы были переводные. Уже в этом сказывается небрежение к русскому слову. «Были бы материал, а спектакль я сам сделаю», — утверждает такой постановщик, зачастую считающий себя соавтором пьесы. Удручает меня и падение уровня актерского искусства, связанное с утратой роли слова. Театры соревнуются между собой в эксцентризме и внешних эффектах, борются за освоение нового сценического пространства: одни пытаются играть в зрительном зале, другие на сцену сажают зрителей, третьи переносят действие в буфет, кювет, клозет. Наш театр сейчас многое теряет в серьезности и глубине.

— Меняется ли его социальная роль?

— Пока что она не изменилась окончательно и бесповоротно. Однако ведется мощная, я бы даже сказал, пропагандистская кампания с целью эту роль принизить. «Довольно вам притворяться, что вы властители дум или душ», — твердят такие пропагандисты. — Успокойтесь, займите то место, которое отведено театру в цивилизованных странах. Подавайте блюда, которые вам заказывают, и не подменяйте собой философию и политику». Но у России свои театральные традиции. И даже если наступит новая культурная эпоха, не так-то просто будет переломить привычку русского человека уважать артиста больше, чем купца. Хотя нынешнее время располагает к тому, чтобы куда больше уважать купца.

ВСЕ ХОРОШИЕ РЕЖИССЕРЫ — НАСИЛЬНИКИ

Сергей Юрский о проблемах современного театра.

— Вы возглавляли жюри последней «Золотой маски» и, вручая премии, отметили, что подлинному искусству конкурсы противопоказаны. Чем вы тогда объясняете огромное количество таких состязаний?

— Это форма поощрения и оплаты актеров. Премии на этих конкурсах нередко равняются зарплате артиста лет за десять, а их организаторы не только тешат свое самолюбие, но и неплохо на них зарабатывают. Искусству такие конкурсы, конечно, противопоказаны. Театр — это ведь не спорт. К слову сказать, на «Золотой маске» денежной премии вообще нет.

— Вы много лет занимаетесь режиссурой, пишете книги. Не отодвигает ли это на периферию вашего творчества актерскую профессию?

— Я всегда хотел быть только актером. Это основная моя профессия, и я ее обожаю. Впрочем, и другими я занимаюсь вполне серьезно, за исключением разве что режиссуры, которая сейчас стала настолько своеобразной, что для актеров превратилась просто в мучение. Режиссеры больше других виноваты в падении актерского мастерства, которое в России всегда было очень высоко. Мощная режиссура в XX веке — это одновременно и расцвет (здесь были выдающиеся достижения), и болезнь.

— Почему же вы в таком случае занялись режиссурой?

— Я хотел подменить собой актер-

ских мучителей. По сути дела, все хорошие режиссеры — насильники, тем и берут. Во мне этого нет, потому я не настоящий все-таки режиссер.

— В чем вы видите различие между петербургским и московским периодами своей жизни?

— Честно говоря, я несколько не жалею, что покинул Питер, где мне было запрещено работать. Переезд в Москву произвел во мне серьезную, даже коренную перемену. Произошло это, однако, не сразу. В Москве я сделал очень много. Хотя Петербург... Если вернуться к фестивалю «Золотая маска», то среди номинантов на получение этой премии петербургские театры составили 60 процентов. Различие этих двух театральных школ состоит, во-первых, в том, что в Питере по-другому говорят. Петербургская речь гораздо строже, в ней отсутствует форсированное московское «а». По речи я, несомненно, актер петербургский. Я считаю себя актером товстоноговской школы и многим обязан своим петербургским учителям: Евгению Карповой, Леониду Макарьеву, Георгию Товстоногову. После переезда в Москву в моей игре, в подходе к театру многое изменилось. Повлияли на меня такие актеры, как Плятт и Раневская, да и весь состав Театра Моссвета. Поставленный мной во МХАТе спектакль «Игроки» (в нем участвовали Евстигнеев,

Филатов, Невинный, Калюгин, Хазанов, Тенякова, я сам, молодые артисты) дал мне возможность собрать актеров разных школ: сравнивая и анализируя особенности их игры, я выбрал свой путь уже сознательно. Во многом это связано не столько с Москвой, сколько с переломившимся временем. Москва дала мне возможность поработать с актерами других стран — Франции, Бельгии, Японии. Свой собственный метод я бы определил как сочетание театральной философии Михаила Чехова (который, надо признаться, не прижился в России) и режиссерской школы Товстоногова — ее я почитаю самой значительной и плодотворной. При этом я не забываю свою любовь к Эфросу, Ефремову, Любимову, Эрвину Аксеру.

— Вы сейчас одновременно играете в четырех московских театрах. А что завтра?

— Сегодняшний день для меня — премьера спектакля «Железный класс» Альдо Николаи, который мы играем с прекрасным эфросовским актером Колей Волковым и Олей Волковой, в прошлом питерской актрисой. Сегодняшний день — это и желание возобновить семейный театр с Натальей Теняковой и Дарьей Юрской. Мы втроем играем

пьесу Бергмана «После репетиции», поставленную режиссером Долгачевым. Спектакль почти замер во МХАТе, который и сам практически окаменел. Мы вроде бы договорились, что попытаемся оживить постановку на американских гастролях. Я, правда, не уверен в успехе этого сложнейшего спектакля в Америке. Но мне очень хочется, чтобы вся наша семья снова вышла на сцену. Однако я мечтаю реализовать это не в виде странствующей итальянской труппы, где все при деле — папа, мама, зять-кассир и так далее. Мне посчастливилось: у меня и жена, и дочь — замечательные актрисы. Поэтому сейчас я мучительно ищу возможность поставить пьесу Игоря Вацетиса «Провокация». Это ехидная комедия для восьми актеров. Мне нужно собрать труппу виртуозных артистов. Трое уже есть. Остальных нужно найти. Соблазнить нетрудно. Гафт, к примеру, говорит: «Я иду с тобой». Но потом вдруг окажется, что он занят. А так как я не насильник, мне нужен кто-то рядом, кто схватит меня за горло и заставит сделать. Но опыт подсказывает, что за сорок репетиций, за два с половиной месяца напряженной работы, я выпущу это ехидное представление.

ЭДУАРД ЛЕВИН